

DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-4-5-16

EDN: QBQAWC

РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКА ПОВОРОТА НА ВОСТОК: ПРОБЛЕМЫ И РИСКИ

© 2023 г. А.В. Торкунов, Д.В. Стрельцов

*ТОРКУНОВ Анатолий Васильевич, академик РАН, доктор политических наук, профессор,
ORCID 0000-0001-7352-3345, rectorat@inno.mgimo.ru
МГИМО МИД России, РФ, 119454 Москва, пр-т Вернадского, 76.*

*СТРЕЛЬЦОВ Дмитрий Викторович, доктор исторических наук, профессор,
ORCID 0000-0001-7177-2831, d.streltsov@inno.mgimo.ru
МГИМО МИД России, РФ, 119454 Москва, пр-т Вернадского, 76.*

Статья поступила 17.12.2022. После доработки 17.01.2023. Принята к печати 20.01.2023.

Аннотация. Проанализированы политические и экономические риски для российской политики поворота на Восток с учетом геополитической ситуации 2022 г. В их числе авторы выделяют недостаток опыта участия РФ в процессах регионализации в Восточной Азии, настороженное отношение к ней со стороны многих стран региона, во многом связанное с их восприятием России как неазиатской страны, все еще западоцентристское мышление российской политической элиты, крен в политике РФ в сторону Китая как в экономической, так и политико-дипломатической сферах.

Ключевые слова: поворот на Восток, Восточная Азия, западные санкции, Специальная военная операция, энергетический сектор, Большая Евразия, региональная интеграция, двусторонние треки.

Благодарность. Статья подготовлена при поддержке РНФ (грант № 19-18-00142П).

RUSSIAN POLICY OF TURNING TO EAST: PROBLEMS AND RISKS

*Anatoly V. TORKUNOV,
ORCID 0000-0001-7352-3345, rectorat@inno.mgimo.ru,
MGIMO University, 76, Prosp. Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation.*

*Dmitry V. STRELTSOV
ORCID 0000-0001-7177-2831, d.streltsov@inno.mgimo.ru,
MGIMO University, 76, Prosp. Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation.*

Received 17.12.2022. Revised 17.01.2023. Accepted 20.01.2023.

Acknowledgements. The research was supported by the Russian Science Foundation (grant no. 19-18-00142П).

Abstract. The article addresses the political and economic risks and prospects for the Russian policy of turning to the East, in the context of the new geopolitical situation that has taken shape by the autumn of 2022. The object of the study is the region of East Asia, where Russia possesses significant interests in the spheres of economy, politics and security. Among the risks for the Russian policy of turning to the East the authors mention the lack of experience of Russia's involvement in the regionalization processes of East Asia, as well as the cautious attitude of certain Asian countries towards Russia as an external player in the region, associated with Russia's image as a non-Asian country and the West-centric thinking of the Russian political elite. Another risk is an increasingly noticeable tilt in Russia's Asian policy towards China, both in the economic and political-diplomatic spheres, which is most evident in the increasing dependence of Russian energy export on the Chinese gas markets. Such tilt endangers Russia's status of a neutral power enjoying a special authority in the region as a country with considerable mediation potential not involved in any of the regional conflicts. Among the recommendations for Russia, the authors mention the necessity for the projects of "coupling" the Greater Eurasia with the infrastructure development in the Asia-Pacific countries, which should be devoid of an ideological commitment and should be based solely on pragmatic considerations. Besides, Russia needs to step up its diplomacy in the multilateral economic and political organizations of the region – the SCO, BRICS, RCEP, the East Asian Summit, as well as think over long-term plans for the development of relations with major Asian partners on bilateral tracks. Finally, it would be desirable to develop the "second track" dialogue with partner countries, both in bilateral and multilateral formats, which would provide a platform for a frank exchange of views against the background of insufficient level of the political contacts. In any case, it is necessary to pursue a meaningful and well-coordinated strategy in the East, based on an accurate understanding of national interests and the effective use of available resources.

Keywords: Russia, turn to East, East Asia, Western sanctions, Ukraine, special military operation, energy sector, tilt towards China, Greater Eurasia, regional integration, bilateral tracks.

About authors:

Anatoly V. TORKUNOV, RAS Academician, Dr. Sci. (Political), Professor, Rector.

Dmitry V. STRELTSOV, Dr. Sci. (Hist.), Professor, Head of Department of Afro-Asian Studies.

ВВЕДЕНИЕ

Как Европа, так и Азия представляют собой важнейшие направления российской внешней политики. РФ всегда строила свой подход к любому из этих направлений исходя из необходимости в многовекторной дипломатии и диверсифицированном характере экономического сотрудничества со своими внешними партнерами. Поворот на Восток стал естественным продолжением и практическим воплощением принятой Россией на вооружение внешнеполитической философии многополярности, в рамках которой она видит себя одним из глобальных полюсов силы. Приоритет восточного измерения неслучаен, учитывая несомненный экономический и духовный подъем Азии в последние два десятилетия. В Концепции внешней политики РФ (в редакции 2016 г.) отмечается сокращение возможностей исторического Запада доминировать на мировой арене, а также смещение потенциала глобального развития в Азиатско-Тихоокеанский регион [ист. 1].

Российский поворот на Восток отвечает ожиданиям стран афроазиатского мира, которые недовольны навязываемыми коллективным Западом “правилами и нормами” в международных отношениях и мировой политике. РФ представляется им противовесом западному доминированию, а партнерство с ней видится как инструмент реализации своих насущных интересов. Имеет значение и антиамериканизм, распространенный во многих странах Азии и Африки как в политических элитах, так и на низовом уровне.

В связи со сложной геополитической ситуацией в мире, сложившейся в 2022 г., чрезвычайно важно проанализировать политические и экономические риски российской политики поворота на Восток. В качестве основного объекта исследования авторами избран субрегион Восточной Азии, где РФ имеет значимые интересы в сферах экономики, политики и безопасности.

ПРЕДЫСТОРИЯ И ТЕКУЩАЯ СИТУАЦИЯ

Применительно к Восточной Азии политика поворота на Восток включает три основных

компонента: социально-экономическое развитие российского Дальнего Востока, интеграцию российской экономики в АТР, укрепление двустороннего взаимодействия со странами региона [1, р. 77]. Россия вкладывает все больше ресурсов в регионы Сибири и Дальнего Востока, приглашая восточноазиатские страны принять участие в их развитии на взаимовыгодных условиях [2, р. 262]. Одновременно происходит консолидация со странами региона в многосторонних политических институтах глобального и регионального уровней. Иными словами, интенсификация наших связей с Восточной Азией преследует дуалистическую цель: в области экономики — интегрироваться в региональные рынки, в области политики — обеспечить себе роль одного из ведущих акторов в этом субрегионе.

Поворот РФ на Восток стал актуален после азиатского финансового кризиса 2007–2008 гг. [3, р. 69]. В энергетической сфере началось смещение акцента в направлении восточноазиатских рынков с их растущим спросом на углеводороды. В 2009 г. была запущена первая очередь трубопровода Восточная Сибирь — Тихий океан (ВСТО). Расширилось энергетическое сотрудничество с Китаем, Японией, Филиппинами, Индонезией, рядом других государств АСЕАН. РФ стала участницей многих ключевых азиатских многосторонних институтов экономической и политической интеграции, прежде всего ШОС и БРИКС. В 2012 г. во Владивостоке состоялся форум АТЭС, на котором Россия впервые смогла в полной мере позиционировать себя как азиатско-тихоокеанская держава.

В условиях усиления конфронтации с Западом после государственного переворота на Украине в 2014 г. поворот на Восток приобрел особое значение как стратегический инструмент хеджирования внешних рисков. Приоритетное развитие получило сотрудничество с Китаем. На двустороннем уровне установлены всеобъемлющие экономические связи в области энергетики, финансов, инфраструктуры и торговли, укреплялось взаимопонимание по таким острым вопросам международной политики и безопасности, как украинский кризис, конфликт в Сирии, про-

блемы Южно-Китайского моря, конфликт на Корейском полуострове, ракетная программа США в Восточной Европе и Северо-Восточной Азии [2, р. 262]. Большие успехи достигнуты в области военно-технического сотрудничества, включая, например, такие чувствительные его сферы, как раннее оповещение о ракетных пусках.

В середине 2010-х годов были подписаны соглашения о крупных инвестициях со стороны китайских государственных корпораций в российскую инфраструктуру и энергетический сектор. Китаю была предоставлена возможность покупки долей в газовых и нефтяных месторождениях, от чего Россия ранее воздерживалась, предпочитая не допускать иностранных инвесторов в стратегические отрасли.

Успешно развивалось сотрудничество с Пекином на многосторонних площадках. Среди наиболее успешно зарекомендовавших себя институтов сотрудничества Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Фонд Шелкового пути, Банк развития БРИКС, а также Банк развития ШОС. Так начала формироваться институциональная основа новой системы управления не только регионального, но и глобального уровня.

Активно укреплялись связи с Токио и Сеулом, особенно в энергетической сфере. В 2019 г. было подписано соглашение об участии японских фирм в проекте “Арктик СПГ-2”. Согласно контракту, объем их инвестиций в него должен был составить почти 3 млрд долл. С Южной Кореей было заключено несколько крупных соглашений, связанных со строительством судов для транспортировки СПГ и обустройством крупных транспортных хабов, обслуживающих энергетические проекты российской Арктики.

Однако вплоть до 2022 г. партнерство с восточноазиатскими странами так и не стало для России действенной альтернативой ее отношениям с Европой, в первую очередь в сфере энергетики [4, р. 3]. Начало Специальной военной операции (СВО) на Украине в феврале 2022 г. резко изменило ситуацию. Во-первых, поворот на Восток стал безальтернативным из-за практически полного разрыва не только политических, но и экономических отношений с коллективным Западом. Если в начале 2022 г. доля российского газа в европейском импорте составляла 41%, то к октябрю она снизилась до 7.5% [ист. 2]. Во-вторых, Азия в целом заняла нейтральную позицию по отношению к СВО. Западу не удалось

вовлечь в антироссийский фронт страны условного Незапада [5]. СВО стала важнейшей вехой политики поворота РФ на Восток.

ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Поворот на Восток никогда не означал для России полного ухода из Европы и присоединения к Азии. Традиционно в российском политическом дискурсе доминировала точка зрения, в соответствии с которой не предусматривалась ассимиляция РФ с одним из этих макрорегионов. Всегда подчеркивалось, что Россия в силу своего исторического пути и географического положения обладает уникальной – не европейской и не азиатской – общественно-политической культурой [6, с. 9]. Поэтому поворот на Восток рассматривался главным образом в политико-дипломатическом и экономическом, но не в цивилизационном измерении.

Проблема связана не только с самоидентификацией России как в основном европейской страны, хотя и обращенной к Азии, но и с отношением к ней как к внешнему игроку со стороны многих азиатских стран. В Восточной Азии имеет место феномен азиатского национализма, основанного на достигнутых экономических успехах.

Одно из его проявлений – попытки оформления процессов регионализации на основе этноцивилизационной идентичности. В начале 1990-х годов в ряде государств субрегиона муссировалась идея создать чисто азиатскую (с исключением из нее “европеоидных” стран) структуру экономической интеграции. Так, малайзийский проект Восточноазиатского экономического кокуса предполагал создание интеграционной группы без участия “белых” государств [7, с. 66].

Эту идею обнулil азиатский финансово-экономический кризис 1997–1998 гг., продемонстрировавший несостоятельность цивилизационно-идентичностного подхода к интеграции. Однако она не была отвергнута полностью. В 2014 г. в речи на Конференции по взаимодействию и мерам укрепления доверия в Азии председатель КНР Си Цзиньпин выдвинул лозунг “Азия для азиатов”, то есть такой порядок региональной безопасности, в котором главными субъектами являются исключительно страны региона: “именно народы Азии должны управлять

делами Азии, решать проблемы Азии и поддерживать безопасность Азии” [ист. 3].

В результате развитие экономической интеграции в Восточной Азии происходит в условиях борьбы двух подходов: “открытого регионализма” (создание незамкнутых институциональных структур, куда допускаются все желающие при условии выполнения квалификационных требований, касающихся внутренних норм стран-участниц) и “закрытого регионализма”, главным критерием которого выступает географическая принадлежность к региону. Первый активно продвигали Япония, Австралия и США, второй – Китай и некоторые страны АСЕАН.

В риторике сторонников “закрытого регионализма” активно использовалось понятие “азиатских ценностей”, противопоставляемых западным либеральным ценностям. Такая позиция была наиболее характерна для Индонезии, Малайзии, Мьянмы и Сингапура. Их лидеры всегда считали, что экономическая модернизация и социально-политическое развитие восточных обществ не обязательно должны проходить в русле западного пути [8, с. 92]. По сути, речь шла об отказе от навязываемых Западом либеральных идей и “порядка, основанного на правилах”, о приоритете суверенитета и национально-культурной самобытности.

В таком свете и Россия часто воспринималась в регионе в качестве государства, главные интересы которого сосредоточены не на Востоке, а на Западе, то есть не в полной мере азиатской державы. Государства региона “часто не рассматривают РФ как азиатско-тихоокеанскую страну, потому что ее демография, экономика и политика в значительной степени следуют европейским образцам” [ист. 4]. Поэтому “с историко-культурной точки зрения России всегда будет сложно выстраивать в Азии взаимодействие, близкое по масштабам и духу тому, которое имеется на Юге и Западе” [9].

Россия установила отношения с Китаем раньше западных стран, заключив еще в 1689 г. Нерчинский договор, однако не обрела в глазах китайцев статуса полноценного партнера. Неслучайно русские товары назывались в китайских документах данью, а оплата за них – дарами за признание культурного превосходства Цинской империи [ист. 5].

В Восточной Азии сохраняются исторические обиды, восходящие к эпохе, когда Россия двига-

лась на Восток. Вплоть до революции 1917 г. там не отделяли царскую Россию от Запада. Наряду с Великобританией, Францией и США китайцы считали ее одним из проводников политики, которая привела к “столетию унижения”, на преодолении наследия которого строится идейная парадигма нынешнего подъема страны. Объектом колониальной политики со стороны России воспринимали себя на разных этапах исторического развития также Корея и Япония.

Что касается послевоенной советской и постсоветской истории, отечественная политическая элита неизменно демонстрировала западоцентричность внешнеполитического мышления. Более того, сложилось “пренебрежительное отношение к Азии как второстепенному региону мира” [ист. 4]. Отчасти это было следствием того, что в биполярном мире основным противником СССР были США, а после распада первого пейзаж мировой архитектуры управления определялся американской мировой гегемонией.

В некоторых странах субрегиона на уровне общественного сознания сохраняется имидж России как страны, несущей ответственность за их нынешние проблемы. Например, на Юге Кореи некоторые винят Россию как преемницу СССР за трагедию Корейской войны и раскол страны, на Севере – за отказ оказывать безусловную поддержку в противостоянии с Югом. С историко-цивилизационной точки зрения Россия так и остается для стран региона “далеким соседом”, то есть страной, западной по менталитету и национальным традициям.

Проблемой является также недостаток у РФ опыта участия и значимых достижений в азиатских структурах экономической интеграции, а также отсутствие собственной прочной ниши на азиатских рынках. С одной стороны, развитие Дальнего Востока невозможно представить без укрепления торгово-инвестиционных связей со странами-соседами [10, с. 44]. С другой стороны, с учетом текущего уровня развития наших восточных регионов они воспринимаются как периферия Восточной Азии, а сама Россия – как маргинальный региональный игрок. По этой причине России фактически в основном отводится роль наблюдателя, а ее тихоокеанской части – лишь транзитной территории и источника сырья [11, с. 73].

Евразийский экономический союз, стержнем которого выступает РФ, пока не вошел ни в одну из созданных в регионе АТР многосторонних зон

свободной торговли (ЗСТ), включая Транстихоокеанское партнерство и Всестороннее региональное экономическое партнерство (ВРЭП). Подписано лишь соглашение между ЕАЭС и Социалистической Республикой Вьетнам. С КНР такой формат взаимодействия еще не включен в повестку дня. Сотрудничество в рамках ШОС и БРИКС развивается в основном в политической сфере, экономические проекты там больше развивались по инициативе и при финансовой поддержке Китая. В целом за прошедшие после распада СССР три десятилетия РФ не смогла проявить себя в качестве крупного экономического актора в Восточной Азии.

КРЕН В СТОРОНУ КИТАЯ

Специфический риск для российской политики поворота на Восток создает очевидный крен в сторону Китая как в экономической, так и в дипломатической сферах. Особенно он заметен в энергетической сфере. В 2021 г. Китай импортировал природный газ из РФ на почти 3 млрд долл. (рост с 2017 г. в 16 раз) [ист. 6]. После начала СВО Китай стал для нас главной альтернативой европейским экспортным рынкам. В то же время Россия не является монопольным поставщиком энергоресурсов в Китай. Наша доля в китайском импорте природного газа составила в 2021 г. чуть более 6% [ист. 6] – меньше, чем у “недружественной” Японии. Возникает риск “диктата покупателя” со стороны Пекина, что объективно ухудшает переговорные позиции российских поставщиков.

Сохраняется и дефицит логистических возможностей для быстрой переориентации поставок энергетического сырья в азиатском направлении. Действующие трубопроводы из Восточной Сибири в сторону АТР уже задействованы на полную мощность. Газопровод “Сила Сибири-2” через Монголию в Китай еще находится на стадии строительства, которое будет закончено только к 2029 г. На рынки Южной и Юго-Восточной Азии, важные в контексте диверсификации экспорта, поставки могут вестись только морским путем. Здесь возможности маневра ограничены западными санкциями в финансовой сфере, прежде всего на страхование судов. Именно из-за удорожания фрахта Индия в сентябре 2022 г. заявила о намерении отказаться от закупок российской нефти и переключиться на импорт из Африки и Ближнего Востока [ист. 7].

Что касается Китая, следует учесть снижение там спроса на газ по мере успехов политики энергосбережения и диверсификации поставок, а также добычи собственного сланцевого газа. Китайские энергетические компании продемонстрировали способность доставлять в страну энергоресурсы из все большего числа стран по ценам в пределах или ниже мировых. Уже налажены поставки трубопроводного газа из Мьянмы, Туркменистана, Казахстана, Узбекистана, имеется опыт закупок СПГ на спотовом рынке, в том числе из США. Хотя российский газ имеет существенные конкурентные преимущества (географическая близость, наличие действующих трубопроводов, обеспечение гарантированных поставок по долгосрочным контрактам с существенным дисконтом), полностью игнорировать риски, связанные с ситуацией “диктата покупателя”, было бы опрометчиво.

Имеются проблемы и в прочих областях. В то время как двусторонняя торговля находится на подъеме, в инвестиционной сфере дела идут не столь гладко. Если в структуре внешних инвестиций большинства стран мира ПИИ из Китая продолжают неуклонно увеличиваться, то в России их доля не растет с 2014 г. [12, с. 1080]. Цели Программы сотрудничества между Северо-Восточным Китаем и российским Дальним Востоком и Восточной Сибирью (2009–2018 гг.) не были достигнуты, что побудило к созданию новой программы на 2018–2024 гг. [13].

Разрыв между ожиданиями и реальностью особенно заметен в сфере услуг и высоких технологий [14, р. 31]. За исключением энергетического сектора, китайское правительство не стремится управлять международной деятельностью частных компаний, которые принимают инвестиционные решения, основываясь на таких же расчетах, что и транснациональные корпорации других стран. Россия пока остается для них периферийным рынком. Ситуация не изменилась и после начала СВО в феврале 2022 г. Приходится констатировать, что связи с Китаем пока не компенсировали России утрату доступа к западным технологиям и рынкам капитала.

Вынуждены признать: у нас на данный момент практически отсутствует иная, помимо экспорта углеводородов, заметная ниша на китайском рынке, а внутри РФ китайские инвесторы присутствуют очень ограниченно. Фактически экспорт нефти и газа в Китай нужен Москве больше, чем Пекину. Ситуация в области энер-

гетики высвечивает общую асимметрию двусторонних экономических отношений. Поставки только углеводородов не позволяют создать прочный фундамент сотрудничества, который позволил бы решать в будущем все проблемы экономических отношений между РФ и КНР [15, р. 12].

Придавая Китаю ключевое значение в шкале своих внешнеполитических приоритетов, Россия получает меньше свободы маневра в отношениях с другими азиатскими партнерами. Риск заключается в утрате статуса нейтральной державы, не вовлеченной ни в один из конфликтов, существующих в регионе. Иными словами, если прежде РФ теоретически могла восприниматься там как “честный брокер”, способный эффективно поучаствовать в разрешении внутрорегиональных противоречий, то теперь это не столь очевидно.

Подобная тенденция наглядно проявилась после 2014 г., когда, оказавшись в сложной геополитической ситуации, Россия была вынуждена существенно сократить активность на азиатском направлении. В реальности курс на многовекторность сведен до минимума, а внешнеполитическая стратегия определяется в контексте отношений с Китаем как главным стратегическим союзником в Азии и мире в целом. Это в полной мере проявилось в связях с теми азиатскими партнерами, по отношению к которым Россия традиционно проводила взвешенную и аккуратную политику, – Японией, Республикой Корея, государствами АСЕАН.

Япония сильно озабочена ускоренным развитием российско-китайских военных и военно-технических связей, прежде всего в части разработки новых видов вооружений, совместного патрулирования морских акваторий вокруг Японии российским и китайским военными флотами, проведения совместных учений в Восточно-Китайском море в непосредственной близости от спорных островов Сэнкаку/Дьяоюйдао. Наибольшую озабоченность в Токио вызывает перспектива возникновения российско-китайского военного союза, формального или нет, направленного против США и их союзников в Восточной Азии – Японии и Южной Кореи [16, р. 261]. Заинтересованность Японии в том, чтобы “оттащить” РФ от КНР, с одной стороны, мотивирует ее к сохранению контактов с Москвой, а с другой – служит стимулом к развитию военно-политического союза с Америкой. Во-

енные приготовления в рамках такого союза неизбежно потребуют от России дополнительных затрат по обеспечению своей безопасности на тихоокеанском направлении.

Существенно ослабили позиции РФ как участницы международных усилий по урегулированию на Корейском полуострове. Немалый посреднический потенциал Москвы, основанный на равных отношениях с обеими сторонами конфликта, остается невостребованным. Ограниченность наших возможностей объективно связана с отсутствием серьезных экономических рычагов влияния на Пхеньян. Однако можно вспомнить, что в середине 2000-х годов, когда ситуация в этом отношении была не лучше, Россия выступила одним из инициаторов и активнейшим участником шестисторонних переговоров. Тогда без согласования с Москвой не решался ни один вопрос, связанный с проблематикой Корейского полуострова.

Немногим лучше сейчас обстоят дела и в российской политике по отношению к странам Юго-Восточной Азии, которая традиционно отличалась нейтральностью и взвешенностью. Хотя диалог России с АСЕАН развивается в последние годы достаточно успешно¹, многие члены ассоциации по мере укрепления союза с КНР видят Москву не в качестве самостоятельного политического актора в регионе, а в первую очередь как союзника Пекина.

Такому восприятию поспособствовала высказанная в 2016 г. на самом высоком уровне фактическая поддержка Москвы позиции КНР, заявившей о непризнании решения Гаагского международного суда, который отказался признавать претензии китайской стороны на исключительную экономическую зону в районе архипелага Спратли, и участие в том же году российского военного флота в совместных с Китаем военноморских учениях в Южно-Китайском море. На таком фоне ускорилось сближение Вьетнама с США в военно-стратегической области, которых в Ханое стали представлять чуть ли не как единственного гаранта своей безопасности.

Как отметил российский исследователь Д.В. Мосяков, установление близких отношений с Китаем означало “фактическое привязыв-

¹ Например, по итогам 4-го саммита Россия–АСЕАН 28 октября 2021 г. стороны опубликовали Комплексный план действий по реализации стратегического партнерства между Российской Федерацией и Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (2021–2025 гг.).

вание российской политики на Востоке к интересам Китая” [17, с. 29]. Скорее всего, подобное мнение следует считать очевидным преувеличением. Однако суть проблемы обозначена верно: России стоит подумать о том, чтобы выйти из тени Китая и стать активным участником экономических и политических процессов в крайне важном для наших интересов регионе мира.

Следует учесть и то обстоятельство, что Россия традиционно, еще с периода холодной войны, воспринималась во многих государствах ЮВА в качестве естественного противовеса Китаю. Сейчас, с точки зрения тамошней элиты, необходимо сдерживать напористую китайскую политику в регионе. Именно в этом, в числе прочего, заключается мотивация таких стран, как Вьетнам или Мьянма, к активному развитию отношений с Россией, особенно в военно-технической сфере. Чрезмерный “китайский крен” во внешней политике, очевидно, сокращает пространство для политического маневрирования Москвы в отношениях с ними.

ЧТО ДАЛЬШЕ?

Естественным для России партнером и союзником на мировой арене остается Китай. Развитие отношений с ним во всех областях — от торговли до стратегической сферы — на долгую перспективу останется для нас магистральным направлением восточной политики. КНР и РФ разделяют общее наследие коммунистической эпохи. Хотя Россия отказалась от своего коммунистического прошлого, а Китай остался ему верен, обе страны психологически испытывают схожий комплекс обиды на коллективный Запад — Китай за “сто лет унижения” и сохраняющееся доминирование Запада в институтах глобального управления, Россия — за отказ Запада считаться с ее интересами после распада СССР и последовательное расширение НАТО на Восток.

Пекин и Москва исходят из того, что международный порядок претерпевает фундаментальный сдвиг от западоцентризма к многополярной системе, построенной на балансе интересов между различными центрами силы. Запад отчаянно сопротивляется такой трансформации. В ходе встречи с Си Цзиньпином на открытии Олимпиады в Пекине в феврале 2022 г. российский президент В.В. Путин отметил, что “...попытка создания однополярного мира приобрели в последнее время абсолютно уродливое

очертание и абсолютно неприемлемы для подавляющего числа государств на планете” [ист. 8]. В свою очередь Си Цзиньпин, выступая на саммите ШОС в Самарканде в сентябре 2022 г., заявил, что Китай “перед лицом невиданных за всю историю колоссальных перемен” готов вместе с Россией показать пример ответственной мировой державы и “вывести мировое сообщество на траекторию устойчивого и позитивного развития” [ист. 9].

Практика показывает, что способность наших стран воздействовать на мировую повестку существенно возрастает, когда они плотно взаимодействуют между собой, основываясь на глубоко прагматических соображениях [18, р. 141]. Например, подобным образом проявляет себя партнерство РФ и КНР в Центральной Азии. В процессе развития евразийской интеграции наши страны сформулировали общие цели и демонстрируют взаимодополняемость в выборе путей и методов их достижения.

В ходе совместных действий в рамках ООН, при реализации сотрудничества в сфере регулирования информационной политики, валютно-финансовой и иных стратегических областях Россия и Китай фактически стали “законодателями мод”. Ими, в частности, выработаны и изложены общие принципы применения силы в международных конфликтах, информационного суверенитета, поиска альтернатив господству доллара в мировой экономике. Как отмечала Э. Вишник, китайско-российское партнерство “все чаще оказывает влияние не только на их двусторонние взаимодействия, но и на глобальное управление в целом” [19, р. 127].

Там же, где интересы сторон не совпадают, вполне естественно как для России, так и для Китая проводить собственную линию. Китай, например, считает США и страны коллективного Запада своими главными противниками, представляющими для него экзистенциальную угрозу, и одновременно важнейшими партнерами, жизненно необходимыми для его экономического развития. Пекин признает постсоветское пространство в качестве сферы жизненных интересов России, однако прежде всего исходит из собственных глобальных интересов.

Обострение в 2022 г. ситуации на Украине не внесло существенных изменений в стратегические расчеты КНР. Пекин выразил понимание позиции России, хотя при этом вновь продемонстрировал приверженность принципу ней-

тралитета и невмешательства. Отсутствие сигналов в пользу безусловной поддержки Москвы по украинскому вопросу вызвано, очевидно, нежеланием Пекина поставить под угрозу свои отношения с другими ключевыми глобальными партнерами, прежде всего США и странами ЕС.

Китай опасается, что углубление конфликта между Россией и Западом может нанести существенный ущерб его экономике. Крупные китайские компании, беспокоясь о потери доступа на западные рынки, воздерживаются от явного обхода западных санкций в отношении тех сделок с российскими партнерами, где замешаны “чувствительные” западные технологии и комплектующие. Стараются избегать подозрений со стороны Запада и многие китайские банки, интегрированные в глобальную систему финансовых расчетов. Этим, в частности, объясняется их отказ от проведения платежей российских банков через китайскую платежную систему *UnionPay*.

Китай воздерживается и от открытой поддержки позиции России в связи с референдумами, проведенными в октябре 2022 г. в Херсонской, Запорожской областях, Луганской и Донецкой Народных Республиках. Очевидно, в своей внешней политике Пекин по-прежнему руководствуется принципами защиты суверенитета и территориальной целостности. Солидаризация с Россией означала бы нарушение этого принципа. Официально Китай выступает за сохранение территориальной целостности Украины, не признает даже вхождения Крыма в состав Российской Федерации. Логика заключается в том, что поддержка России нанесла бы ущерб позициям Китая в отношении тайваньской проблемы: если существует возможность изменения границ в Европе, почему ее не может быть в Азии и почему Тайвань не может отделиться от Китая?

В целом очевидно, что у Китая есть свое, отличное от России видение мира. Поэтому было бы неверно однозначно говорить о том, что российско-китайские отношения приняли законченную форму отчетливо выраженного антизападного альянса [20, р. 54]. Сложившееся между двумя странами стратегическое партнерство — это вовсе не военный союз с жестко оговоренными обязательствами, подобный НАТО, а скорее “эластичный альянс”, основанный на понимании общих фундаментальных интересов и прагматической выгоды от взаимодействия в самых разных сферах. Как отмечают американские исследователи С. Шарап, Дж. Дреннан и П. Ноэль,

лидеры обеих стран — “несентиментальные прагматики, и если их стратегические интересы расходятся, есть пределы тому, как далеко они пойдут на жертвы ради другого” [14, р. 26].

ПЕРСПЕКТИВЫ “БОЛЬШОЙ ЕВРАЗИИ”

Чтобы успешно сбалансировать отношения с Китаем, России нужна активная и продуманная стратегия в регионе, направленная на укрепление позиций страны с учетом прежде всего собственных интересов. Во-первых, Москва могла бы предложить идею сопряжения концепции “Большой Евразии” с различными проектами инфраструктурного развития в АТР, которая была бы лишена идеологической составляющей и основана исключительно на прагматических соображениях экономической целесообразности.

План строительства широкого евразийского партнерства с участием Евразийского экономического союза, а также Китая, Пакистана, Ирана и Индии, выдвинутый в 2016 г. президентом России В.В. Путиным на Петербургском экономическом форуме, является крупнейшим проектом в рамках политики поворота на Восток. Россия исходит из того, что важнейшим положением евразийской экономической интеграции выступает исторически сложившаяся геополитическая, цивилизационная и культурная общность стран ЕАЭС. Одна из очевидных целей концепции “Большой Евразии” — привлечение развитых экономик Восточной Азии к экономическому развитию Сибири и Дальнего Востока.

По результатам российско-китайского саммита в мае 2015 г. было подписано совместное заявление о согласии на сопряжение китайской инициативы “Один пояс, один путь” (ОПОП) и ЕАЭС. В своем заявлении по итогам саммита российская сторона заявила о своей всемерной поддержке ОПОП, а Китай сделал то же самое для ЕАЭС. Россия рассматривает ОПОП не только как инструмент экономического развития, но и с геополитических позиций — как инструмент противостояния западной гегемонии. В первую очередь речь идет о дедолларизации мировой финансовой системы, освобождении от диктата западных финансовых центров, всестороннем укреплении экономической безопасности [2, р. 269].

Помимо сопряжения ЕАЭС и ОПОП, концепция “Большой Евразии” может стать идейно-

политическим фундаментом для экономической интеграции на постсоветском пространстве. Она находит положительный отклик среди азиатских стран как проект объединения экономик и развития интеграции за пределами постсоветского пространства. Помимо Китая, интерес к ней проявляют Индия и другие страны — члены ШОС, БРИКС, АСЕАН. Как отмечал российский президент В.В. Путин на Евразийском экономическом форуме 26 мая 2022 г., “Большая Евразия” — это всеобъемлющий цивилизационный проект, главная идея которого заключается в создании общего пространства равноправного сотрудничества [ист. 8].

Широкое распространение получило на Западе стереотипизированное мнение о том, что “Большая Евразия” представляет собой прежде всего геополитический проект, порожденный проблемами в отношениях России с Западом (см., например, [21]). Следствием этого взгляда, очевидно, может стать ограничение потенциальных рамок состава участников только “антизападными” странами. Поскольку российский президент поставил задачу разработки комплексной стратегии большого евразийского пространства, в которой будут отражены главные международные вызовы и определены перспективные цели, стоило бы подумать о том, чтобы включить в нее государства, которые не хотели бы оказаться перед жестким выбором между Западом и Незападом.

Следует учесть и то обстоятельство, что и большинство стран самого ЕАЭС проводит многовекторную внешнюю политику, предпочитая оставить нерешенной проблему цивилизационного, геополитического и идеологического выбора [22, с. 20]. Поэтому целесообразно отказаться от чрезмерной политизации и идеологизации целей проекта “Большой Евразии”. Важно позиционировать его в качестве открытого для всех инструмента экономической интеграции на евразийском пространстве.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ВЫВОДЫ

Для выработки взаимовыгодной и взаимоприемлемой формулы активного взаимодействия ЕАЭС с масштабными интеграционными проектами АТР, включая ТТП и ВРЭП, стоило бы подумать о специальных мерах государственного регулирования, предполагающих льготный режим администрирования и налогообложения

в отношении иностранных инвесторов, созданием для них специальных условий хозяйствования, включая безвизовый режим, таможенные преференции, продуманные схемы государственно-частного партнерства и т. д.

Собственно, именно такой подход применялся к созданию после 2015 г. в Сибири и на Дальнем Востоке территорий опережающего развития (ТОР). Они доказали свою эффективность в деле привлечения внешних инвестиций, ускоренного развития экономики и улучшения жизни населения. Выступая на пленарной сессии Евразийского экономического форума 26 мая 2022 г., президент В.В. Путин выдвинул задачу создания Евразийского экспортного центра и торговых домов, ускорения работы по формированию Евразийской перестраховочной компании, изучения вопросов развития трансграничных особых экономических зон, возможно, даже с наднациональными полномочиями [ист. 9]. Также предстоит выработать взаимовыгодную и взаимоприемлемую формулу активного взаимодействия ЕАЭС с ВРЭП, участниками которого уже являются Индия, Япония и Республика Корея.

Необходимо продумать долгосрочные планы развития отношений с основными азиатскими партнерами на двусторонних треках. России необходимы прочные связи с Индией, КНДР, странами Юго-Восточной Азии (Вьетнамом, Мьянмой, Таиландом, Индонезией, Малайзией и др.). По отношению к ним следует тщательно проработать стратегию, основанную на понимании значения каждого из этих государств для российских национальных интересов.

Стоило бы продумать и шаги по восстановлению отношений с Японией, которые сейчас находятся на самой низкой точке своего развития за весь послевоенный период. Поскольку в политической сфере, очевидно, периода долгой заморозки нам не миновать, необходимо сосредоточить усилия на сохранении старых и формировании новых путей взаимодействия в торгово-экономической, научно-образовательной и культурно-гуманитарной сферах. Это же касается и отношений РФ с Республикой Корея, которая участвует в санкционной политике против России с гораздо меньшим энтузиазмом, чем евроатлантические государства.

Важно активизировать дипломатию в многосторонних экономических и политических организациях региона — ШОС, БРИКС, ВРЭП, Вос-

точноазиатском саммите. России следует бережно сохранять и приумножать все то позитивное, что было создано в области ее отношений со странами АСЕАН. Это и диалоговый формат АСЕАН+РФ, и различные экономические площадки, и диалог экспертов по самым насущным вопросам.

В текущих условиях представляется перспективным развитие связей по линии “второго трека”, обеспечивающего площадку для диалога и откровенного обмена мнениями между политиками и экспертами в условиях сокращения или даже почти полного отсутствия официальных контактов. Одновременно России следует проявить активность по инициированию тех новых многосторонних международных форматов, в рамках которых политические возможности России могут оказаться существенно выше, чем на двустороннем уровне.

Например, таковым мог бы стать трехсторонний формат Москва–Пекин–Сеул либо четырехсторонний формат Москва–Пекин–Сеул–Пхеньян по вопросам безопасности и мерам доверия в СВА, “треугольник” Токио–Москва–Сеул по той же проблематике или

по вопросам экономического сотрудничества. С учетом имеющегося исторического опыта большую перспективу имели бы и экспертные форматы Москва–Ханой–Пекин и Москва–Ханой–Дели. В их рамках можно было бы не только выработать рекомендации по повышению мер доверия в районе Южно-Китайского моря, но и предложить более широкий взгляд на принципы обеспечения международной безопасности в регионе. Политика России по отношению к таким форматам должна быть свободна от каких-либо политико-идеологических ограничений.

В любом случае на восточном направлении необходимо проводить осмысленную и хорошо скоординированную стратегию, основанную на эффективном использовании имеющихся ресурсов. Пока же, несмотря на огромный багаж, накопленный в ходе работы в региональных организациях, а также позитивные результаты сотрудничества с ключевыми восточноазиатскими партнерами, Россия не имеет полноценных организационно-управленческих и идейно-политических основ для ее реализации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Ostevik M., Kuhrt N. The Russian Far East and Russian Security. Blakkisrud H., Wilson Rowe E., eds. *Russia's Turn to the East: Domestic Policymaking and Regional Cooperation (Global Reordering)*. Basingstoke, Springer Nature, 2018, pp. 75-94.
- Yilmaz S. (Yao Shifan) S., Changming L. Remaking Eurasia: the Belt and Road Initiative and China-Russia Strategic Partnership. *Asia Europe Journal*, 2020, vol. 18, pp. 259-280. Available at: <https://doi.org/10.1007/s10308-019-00547-1>
- Mankoff J. Russia's Asia Pivot: Confrontation or Cooperation? *Asia Policy*, 2015, vol. 19, pp. 65-87. Available at: <https://doi.org/10.1353/asp.2015.0009>
- Lukonin S. Redefining Russia's Pivot and China's Peripheral Diplomacy. Saalman L., ed. *China–Russia Relations and Regional Dynamics. From Pivots to Peripheral Diplomacy*. Solna, SIPRI, 2017, pp. 3-10.
- Lukyanov F. Why the West Has Failed to Get the Rest of the World on Board to Support Its Confrontation With Russia. *Russia in Global Affairs*, 11.07.2022. Available at: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/why-the-west-failed> (accessed 11.12.2022).
- Лихачева А., Макаров И. Национальная идентичность и будущее России. *Дискуссионный клуб Валдай*, 22.04.2014.
Likhachyova A., Makarov I. National Identity and the Future of Russia. *Valdai Discussion Club*, 22.04.2014. (In Russ.) Available at: https://ru.valdaiclub.com/a/reports/natsionalnaya-identichnost/?sphrase_id=555085 (accessed 11.12.2022).
- Байков А.А. Модели интеграционной экспансии в зарубежной Европе и Восточной Азии. *Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика*, 2011, № 4, сс. 57-74.
Baykov A.A. Models of Integration Expansion in Foreign Europe and East Asia. *Moscow University Bulletin of World Politics*, 2011, no. 4, pp. 57-74. (In Russ.)
- Ефимова Л., Хохлова Н. Концептуализация “азиатских ценностей” в Малайзии и Сингапуре. *Мировая экономика и международные отношения*, 2020, т. 64, № 1, сс. 91-98.
Efimova L., Khokhlova N. Conceptualisation of “Asian Values” in Malaysia and Singapore. *World Economy and International Relations*, 2020, vol. 64, no. 1, pp. 91-98. (In Russ.) Available at: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-1-91-98>
- Бордачев Т. Поворот России на Восток: между выбором и необходимостью. *Дискуссионный клуб Валдай*, 01.09.2022.

- Bordachev T. Russia's Turn to the East: Between Choice and Necessity. *Valdai Discussion Club*, 01.09.2022. (In Russ.) Available at: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/povorot-rossii-na-vostok/> (accessed 11.12.2022).
10. Демина Я., Мазитова М. Развитие Дальнего Востока России в условиях интенсификации интеграционных процессов в АТР. *Регионалистика*, 2018, т. 5, № 4, сс. 41-54.
Dyomina Ya., Mazitova M. Russian Far East Development: Challenges under Deepening Integration in Asia Pacific. *Regionalistica*, 2018, vol. 5, no. 4, pp. 41-54. (In Russ.) Available at: <https://doi.org/10.14530/reg.2018.4.41>
 11. Ларин В.Л. Тихоокеанская Россия в “Большой Евразии” начала XXI века: вызовы и ответы. *Историческая и социально-образовательная мысль*, 2018, т. 10, № 3/1, сс. 65-81.
Larin V. Pacific Russia in the “Greater Eurasia” at the Beginning of XXI Century: Challenges and Responds. *Historical and Social-Educational Idea*, 2018, vol. 10, no. 3/1, pp. 65-81. (In Russ.) Available at: <https://doi.org/10.17748/2075-9908-2018-10-3/1-65-81>
 12. Суи Цзясюе. Современное состояние прямых иностранных инвестиций из Китая в Россию. *Весенние дни науки: сборник докладов Международной конференции студентов и молодых ученых (Екатеринбург, 22–24 апреля 2021 г.)*. Екатеринбург, УрФУ, 2021, сс. 1079-1087.
Song Jiaxue. Current State of Foreign Direct Investment from China to Russia. *Spring Days of Science: Collection of Reports of the International Conference of Students and Young Scientists (Yekaterinburg, April 22–24, 2021)*. Yekaterinburg, UrFU, 2021, pp. 1079-1087. (In Russ.) Available at: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/99725> (accessed 11.12.2022).
 13. Kapoor N. Russia's Pivot to Asia – A 10-Year Policy Review. *Valdai Discussion Club*, 21.03.2022. Available at: <https://valdaiclub.com/a/highlights/russia-s-pivot-to-asia-a-decadal-policy-review/> (accessed 11.12.2022).
 14. Charap S., Drennan J., Noël P. Russia and China: A New Model of Great-Power Relations. *Survival*, 2017, vol. 59, no. 1, pp. 25-42. Available at: <https://doi.org/10.1080/00396338.2017.1282670>
 15. Yang Cheng. Redefining Russia's Pivot and China's Peripheral Diplomacy. Saalman L., ed. *China–Russia Relations and Regional Dynamics. From Pivots to Peripheral Diplomacy*. Solna, SIPRI, 2017, pp. 7-13.
 16. Blank S. The Un-Holy Russo-Chinese Alliance. *Defense & Security Analysis*, 2020, vol. 36, no. 3, pp. 249-274. Available at: <https://doi.org/10.1080/14751798.2020.1790805>
 17. Мосяков Д.В. Политика России в отношении конфликта в Южно-Китайском море. *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*, 2018, т. 38, № 1, сс. 24-34.
Mosyakov D.V. Russia's Policy on the Conflict in the South China Sea. *Southeast Asia: Actual Problems of Development*, 2018, vol. 38, no. 1, pp. 24-34. (In Russ.) Available at: <https://sea.ivran.ru/en-articles?artid=11039> (accessed 11.12.2022).
 18. Gore L. Forging a Sino-Russo Alliance: Analysis with a Hybrid Theoretical Framework. *China: An International Journal*, 2017, vol. 15, no. 1, pp. 140-162. Available at: <https://doi.org/10.1353/chn.2017.0008>
 19. Wishnick E. In Search of the ‘Other’ in Asia: Russia-China Relations Revisited. *The Pacific Review*, 2017, vol. 30, iss. 1, pp. 114-132. Available at: <https://doi.org/10.1080/09512748.2016.1201129>
 20. Togt T. van der, Montesano F., Kozak I. From Competition to Compatibility Striking a Eurasian Balance in EU-Russia Relations. *Clingendael Report*, 2015, October. Available at: https://www.researchgate.net/publication/284609616_From_Competition_to_CompatibilityCo_Striking_a_Eurasian_balance_in_EU-Russia_relations (accessed 10.11.2022).
 21. Lewis D. Strategic Culture and Russia's “Pivot to the East”: Russia, China, and “Greater Eurasia”. *The George C. Marshall European Center for Security Studies*, July 2019, no. 034. Available at: <https://www.marshallcenter.org/en/publications/security-insights/strategic-culture-and-russias-pivot-east-russia-china-and-greater-eurasia-0> (accessed 11.12.2022).
 22. Пантин В.И. Идеологические основы евразийской экономической интеграции. *Вестник РУДН. Серия: Международные отношения*, 2022, т. 22, № 1, сс. 17-29.
Pantin V.I. The Ideological Foundations of Eurasian Economic Integration. *Vestnik RUDN. International Relations*, 2022, vol. 22, no. 1, pp. 17-29. (In Russ.) Available at: <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-1-17-29>

ДРУГИЕ ИСТОЧНИКИ / SOURCES

1. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.).
The Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation (approved by the President of the Russian Federation V.V. Putin on November 30, 2016). (In Russ.) Available at: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1538901 (accessed 11.11.2022).
2. В ЕК сообщили, что газохранилища ЕС заполнены почти до 90%. *ТАСС*, 05.10.2022.

- The EC Reported that the EU Gas Storage Facilities Are Filled to Almost 90%. *TASS*, 05.10.2022. (In Russ.) Available at: <https://tass.ru/ekonomika/15958181> (accessed 10.12.2022).
3. Minxin Pei. Is 'Asia for Asians' Just a Slogan? *Taipei Times*, 06.12.2014. Available at: <https://www.taipeitimes.com/News/editorials/archives/2014/12/06/2003606061> (accessed 11.11.2022).
 4. Going East: Russia's Asia-Pacific Strategy. *Russia in Global Affairs*, 25.12.2010. Available at: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/going-east-russias-asia-pacific-strategy/> (accessed 10.12.2022).
 5. Россия и Китай: партнерство или соперничество? *Улица Московская*.
Russia and China: Partnership or Competition? *Ulitsa Moskovskaya*. (In Russ.) Available at: <https://www.ym-penza.ru/analitika/novejshaya-istoriya/item/7436-rossiya-i-kitaj-partnerstvo-ili-sopernichestvo> (accessed 10.12.2022).
 6. В 2021 году импорт природного газа из России в Китай в стоимостном выражении составил около 3 млрд долл. *РБК*, 14.09.2022.
In 2021, the Import of Natural Gas from Russia to China Amounted to about \$3 Billion. *RBC*, 14.09.2022. (In Russ.) Available at: <https://marketing.rbc.ru/articles/13694/> (accessed 10.12.2022).
 7. Индия собралась отказаться от закупок российской нефти. *Lenta.ru*, 23.09.2022.
India Is Going to Abandon the Purchases of Russian Oil. *Lenta.ru*, 23.09.2022. (In Russ.) Available at: <https://lenta.ru/news/2022/09/23/neftindia/> (accessed 10.12.2022).
 8. Путин возродил проект Большая Евразия в противовес странам Запада. *Ura.ru*, 26.05.2022.
Putin Revived the Greater Eurasia Project as Opposed to Western Countries. *Ura.ru*, 26.05.2022. Available at: <https://ura.news/articles/1036284661> (accessed 10.12.2022).
 9. Путин предложил создать Евразийский экспортный центр и торговые дома. *TACC*, 28.05.2022.
Putin Proposed to Create a Eurasian Export Center and Trading Houses. *TASS*, 28.05.2022. Available at: <https://tass.ru/ekonomika/14737383> (accessed 10.12.2022).